

Т.В. Надозирная, Л.А. Скубачевская

Савелий

Когда Матрена Тимофеевна, начиная повествование о Савелии-дедушке, говорит:

Ну, то-то! Речь особая.
Грех промолчать про дедушку,
Счастливец тоже был, —

то слова эти вроде бы могут быть восприняты как горькая ирония и в адрес его, и в адрес ее счастья. Так, может быть, действительно перед читателем опять один из многих мытарей, горемык, вроде тех, что уже прошли, например, в главе «Счастливые» первой части?

Однако только ли иронически назван Савелий счастливецом? Ведь за этими горькими словами, последними словами второй главы, прямо следует уже совсем не ироническое название третьей — «Савелий, богатырь святорусский». Впервые с такой силой вошла в поэму и уже до конца не уйдет из нее тема народного богатырства, находящая опору в былинной истории. Некрасовское определение «святорусский» сразу возвало к русскому героическому эпосу, к образу богатыря богатырей — Святогора. Но, начав с былинного слова «богатырь свято...», Некрасов дает ему другое продолжение — «богатырь святорусский». Слову придан обобщенный, всероссийский смысл, а приложено он отнюдь не к традиционному образу богатыря, а к образу крестьянина. Определение из сферы воинского эпоса переадресовано простому мужику по имени Савелий — имя тоже совсем не традиционно богатырское. Однако Некрасов не только не снижает этим былинный эпос до мужицкой жизни, но саму крестьянскую жизнь возводит в ранг высокой героики.

Но Савелий не только бунтарь. Он и своеобразный народный философ. Его раздумья о богатырском терпении народа трагичны. Он не просто осуждает способность народа терпеть и не просто ее одобряет. Он видит сложную диалектику народной жизни и не берется давать последние ответы и выносить окончательные решения:

Не знаю я...
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!

Савелий представлен не только богатырем-бунтарем. Он и богатырь духа, подвижник, спасающийся в монастыре. Народная религиозность всегда привлекала внимание Некрасова, но отнюдь не сама по себе. Обычно она предстает у него как символ высокой народной нравственности, способ искупления вины и способность в самом страдании обрести величие. Вот почему Савелий назван святорусским.

А уже в самом конце этой части он оказался запечатленным и как бы увековеченным в своеобразном памятнике. Когда в последней главе Матрена Тимофеевна идет просить за своего мужа Филиппа в город, она видит там памятник. Самого города Некрасов при этом не называет, хотя и указывает на исключительную в своем роде примету города Косторомы — памятник Ивану Сусанину:

Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий, дедушка,
Мужик на площади.
«Чей памятник?» —
«Сусанина».

Автор народной поэмы не мог не выделить этот единственный тогда в стране памятник простому мужику. Памятник Ивану Сусанину (скульптор Демут-Малиновский) в Костроме был поставлен в 1851 году. Выглядел памятник так: у подножия шестиметровой колонны, увенчанной бюстом Михаила Романова, — коленапреклоненная фигура

Ивана Сусанина. Бывая в Костроме, Некрасов не раз видел этот памятник. Хотя реальный памятник оказался скорее памятником царю, чем Ивану Сусанину, Некрасов дает в поэме свой «проект» памятника: о колонне с бюстом царя поэт не упоминает, а Сусанин, «из меди кованный», стоит в полный рост. Сравнением с костромским бунтарем Савелием костромского мужика Сусанина поэт как бы дезавуировал свои стихи «Осипу Ивановичу Комиссарову». В то же время сравнение с героем русской истории Иваном Сусаниным наложило последний штрих на монументальную фигуру святорусского крестьянина Савелия.

Некрасов не просто декларирует богатырство Савелия. Он показывает, на чем это богатырство основано: ум, воля, чувства героя складываются в испытаниях. Вся жизнь его — это становление и внутреннее высвобождение характера: «...Клейменный, да не раб», — говорит Савелий о себе.

Кстати, образ Савелия важен не только сам по себе. Он как бы аккомпанирует на протяжении почти всей части образу крестьянки Матрены Тимофеевны Корчагиной, так что, по существу, перед читателем возникают два сильных, богатырских характера.